

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

НЕУМЕРШИЙ

ЖАН-ФИЛИПП
ЖАВОРСКИ

Жан-Филипп Жаворски

Неумерший

Серия «Шедевры фэнтези»
Серия «Шедевры фэнтези»

текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51809641>

Жан-Филипп Жаворски. Неумерший: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-112757-2

Аннотация

<p>Это мир раннего Средневековья, мир, где властвуют кельтские мифы, легенды и магия, мир, где бродят древние чудовища. Это история Белловеза, сына вождя, убитого собственным братом. Белловеза, посланного на войну, на верную смерть. Белловеза, который погиб в бою, но вернулся с того света. Он отправляется в путь, желая раскрыть тайну своего воскрешения, но еще не знает, что его ждет немало предательств, чудес и монстров, да и само время после смерти ощущается по-иному, а граница между миром живых и мертвых практически исчезает. Мрачность и эпичность фэнтези, проработанный исторический фон, изысканный стиль, сложность композиции и неожиданный сюжет – все это «Неумерший», одно из самых оригинальных произведений европейской фантастики последнего десятилетия.</p>

Содержание

Первая ночь. Ты поведаешь обо мне	6
Глава I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Жан-Филипп Жаворски

Неумерший

Jean-Philippe Jaworski

MÊME PAS MORT

Rois du Monde, Première Branche

© 2013 Les Moutons Électriques, éditeur

© Дарья Хайнбух, перевод, 2020

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Лауреат премии Imaginales за лучший фантастический роман на французском языке

Лауреат премии Planète SF

* * *

«Неумерший» – это настоящий триумф, как с точки зрения сюжета, так и с точки зрения языка.

Он, несомненно, доказывает, что Жан-Филипп Жаворски – один из лучших авторов французского фэнтези, и этот жанр во Франции является не копией своего англоязычного родственника, а чем-то иным,

жанром, который постоянно обновляется, удивляет и уходит в самые неожиданные направления.

ACTU SF

«Неумерший» – это роман необычайной силы, который играет с хронологией и временем, балансируя между эпопеей и воспоминанием о прошлом, между романом об инициации и военной сагой, причем все эти элементы основаны на проработанном историческом и археологическом материале.

LE MONDE

* * *

*Я простирался мостом над течением рек
могучих;*

*Орлом я летел в небесах, плыл лодкою в бурном
море;*

Был пузырьком в бочке пива, был водою ручья;

*Был в сраженьи мечом и щитом, тот меч
отразившим;*

*Девять лет был струною арфы,
год был морской пеной...*

Кад Годдо. Битва деревьев

Перевод В. В. Эрлихмана

Первая ночь. Ты поведаетшь обо мне

Ты спустишься по течению рек и пересечёшь горы. Ты пройдёшь через леса и переплывёшь моря, которые простираются по правую сторону света. Дорога приведёт тебя к кельтским королевствам, к эллинским тиранам и к этрусским лукумонам. Повсюду ты будешь называть моё имя, прославлять мой род, мои походы, мои подвиги. Ты станешь первым сказителем преданий обо мне, зодчим, наводящим мосты, глашатаем вне бранного поля. Ты не посмеешь отказать мне в этой услуге. Ты не посмеешь пойти наперекор моей воле.

Не сносить головы тому, кто поднимется против меня! Если ты отвергнешь мою просьбу, то я повелю отобрать всё твоё имущество, а тебя самого взять под стражу. Я раздам твой янтарь и амфоры своим героям, а себе оставлю лишь твою голову. Я вымою её, обваляю в мёде, эле и соли, опущу в можжевеловое масло и уберу в один из тех сундуков, где скапливается дань покорённых мною народов. А когда ко мне пожалуют почётные гости, я устрою им знатный пир. Я повелю расставить блюда с чернофигурной росписью, бронзовые длинногорлые кувшины и кратеры¹, в которых густые

---

¹ *Кратер* – древнегреческий большой сосуд для смешивания вина с водой –

вина твоей страны смешиваются с дикими водами наших источников. Затем я водружу твою голову посреди сочного мяса и лоснящихся рыб, сладких фруктов и терпкого питья и скажу: «Полюбуйтесь, каков был ионийский торговец, оскорбивший моё гостеприимство. Так гуляйте же, гости дорогие, ешьте, пейте, веселитесь! А тот, кто гнушается моих щедрых даров, горько об этом жалеет». Ты и сам убедишься в моём бескрайнем великодушии: если откажешься увековечить память обо мне, я-то уж тебе удружу! Я сделаю тебя спутником всех моих пиршеств.

Но ты поведаешь обо мне.

Ты – богатый купец и хитроумный пройдоха, но без меня ты так и останешься обычным торговцем, что выменивает вазы и вино на невольников и металл. Я же возвеличу тебя. Ты станешь моей посмертной песнью. Ты станешь голосом, разносящимся по всем трём мирам². Ты станешь вступительными строфами сказания, творцом которого являюсь я сам. Какой прок от твоих амфор, треножников и рабов? Всё это лишь земные блага. Я же дарую тебе слово. Я вдохну в тебя своё дыхание, дыхание воина, героя и короля. Доводилось ли тебе когда-либо слышать более щедрое предложение?

Ты умеешь толковать письмена, но удастся ли тебе считать облик воина так же искусно, как твои таблички? Взгляни на

глубокая чаша с двумя ручками из глины, реже – из металла или мрамора.

² В понимании кельтов Небо, Море и Земля – это три независимые области и одновременно три части единого Мира.

это мускулистое тело, на обожжённую солнцем кожу, на широкие ладони, на грозный орнамент, сплетённый из моих та-туировок и шрамов. В них столько знаков, столько отпечатков прошлого! Моя торговля – война. Я оставил глубокий след в жизни народов, через которые прошёл. В награду за это они оставили отметины на моём теле. Злейшие мои враги преподнесли мне самые ценные трофеи; благодаря им я сохраняю величие даже нагим. Однако я уже стар, мне скоро сравняется два века³. Мои руки ещё крепки – мало кто из молодых храбрецов осмеливается поднять на меня глаза, но уже дети моих детей режутся меж хижинами и пастбищами, мне больше нет надобности обесцвечивать волосы, и порой меня клонит в дрёму, когда пир затягивается до зари. Черты павших товарищей стёрлись из моей памяти, первые девушки, которых я возжелал, уже увяли красотой или почили. Теперь пришло время мне поразмыслить о том, чтобы продолжить свой путь. Но я не смогу уйти, не позаботившись о том, чтобы оставить о себе память – только так я не умру.

Именно поэтому ты поведаешь обо мне.

Когда я был ребёнком, мне случалось проделывать один незатейливый трюк. Я подцеплял муравья кончиком палочки и пускал его по ней вверх. Как только букашка достигала края, я переворачивал веточку. Муравей снова пускался по ней вверх, и я снова отправлял его в исходную точку. Эта

---

³ «Век» у кельтов исчислялся шестью пятилетними циклами, или тридцатью солнечными годами.

нелепая игра продолжалась столь же долго, сколь длился мой каприз... И лишь на закате лет я постиг её смысл: я и есть тот муравей, а мир – моя палочка.

Я родился в землях столь дальних, что ныне они путаются в моём сознании с лесами Сумрачного бога⁴, откуда ведут своё происхождение отцы моих отцов. С тех пор как я возмужал, я много исходил дорог: шёл по мягкой почве лесных чащ и плотной дернине лугов, пробирался по каменистой осыпи склонов и зыбкой трясине болот. Я много повидал: и диковинной красоты природу в дотоль неведомых краях и народы, там живущие, столь же разнообразные, как деревья в лесу. За время долгих скитаний я потерял одного за другим всех товарищей моей молодости, язык моих предков искажился до неузнаваемости, и даже собственная память истощилась от бесконечной череды минувших событий. Вот уже двадцать зим⁵, как я расселил свой народ на этой широкой равнине меж морем и горами. Вот уже двадцать зим, как мир празден, он дремлет в пределах этих сочных лугов, пологих склонов холмов, ленивых изгибов рек, питающих на-

---

⁴ *Бог Цернунн* – в мифологии кельтов бог леса и диких животных и бог изобилия. В аспекте Подземного Мира Цернунн – Тёмный человек, Бог, который живёт в доме под Холмом и является владыкой подземного царства, связанным с циклами умирания и возрождения природы.

⁵ Гражданское исчисление протяжённости года заключалось между одним и последующим праздником божества Тара, т. е. от ноября до ноября, и часто год именовался «зимним», поскольку праздник Тара начинался в первых числах самэна (зимы).

ши земли. Вот уже двадцать зим, как мир баюкает нас безмятежными грёзами о бессмертии. Но стоит мне только приказать собрать стада, сжечь фермы и посевы и отправиться в дорогу, как мир вновь пойдёт по своему пути, всё более непостижимому, чем нам запомнилось, всё более бескрайнему, чем нам желалось. И если не дано человеку объять мир, то это потому, что мир бежит у него из-под ног. Мир – это бесконечно угрюмая мелопея⁶ с множеством ладов, мир – это дорога с беспрестанно меняющимися горизонтами, мир – это королевство, скроенное из самой материи мечты. Мир – это чудо, хоть и жестокое, позволившее мне познать вкус тревоги.

Мир – это наваждение.

Ты ведь тоже странник, купец. Ты тоже видел, как бегут волны за бортом корабля, как мчатся облака по небу, играющему разными красками, как быстро пустеют и дичают ещё недавно возделанные пашни. Ты, как и я, знаешь – ничто не бывает незыблемо, всё пребывает в движении, всё преходяще, и только скоротечность нашего существования создаёт видимость постоянства. Быть может, так же, как и я, ты предавался мечтаниям в шёпоте листвы, в полутени одного из ваших храмов или перед бурным потоком реки. Но деревья ломаются, камни рассыпаются, реки увязают в песке. Всё развивается, разрушается, проходит, и даже плоть живых – всего лишь материя мёртвых. Ты – человек толковый и, вер-

---

⁶ *Мелопея* – монотонное протяжное пение.

но, постиг мою мысль. Таких сильных духом людей, как ты, на свете мало, и таких людей я ценю. Разгадка тайн мироздания чуть было не погубила меня, а для человека, которого я чтит превыше всех других, она и вовсе стала роковой...

Мы пребываем в многогранной вселенной, а может быть, и в мире ином – во сне богов. Если только, конечно, мы не игрушки в руках жестокого и невежественного ребёнка. Народ и прорицатели видят бога в каждом роднике, в каждом камне, в каждом деревце, обвитом ветвями омелы. Друиды же шепчутся о том, что принцип вселенной в единстве, что есть лишь один бог, он и самец, и самка, и отец, и мать, и ребёнок. Так где же таится истина? Да и на что мне истина? Я знаю, что мне её уже не постичь.

У меня больше нет времени, чтобы и дальше носиться по свету в погоне за многоликими соблазнами, за химерами и упиваться ими без устали. Грядёт мой скорый конец. Мир настигает меня. Близится ночь, когда пелена застелет мои глаза, когда немощь настигнет меня в битве, и длинный железный меч повиснет в моём кулаке, как в руке ребёнка. Близится ночь, когда я выплачу дань этому миру, нашим богам, когда мне придётся столкнуться с безграничной утратой. Король, лишённый власти. Воин, лишённый силы. Человек, лишённый будущего.

Но ведь я столько успел повидать, я взрастил столько племён, я одолел столько могущественных врагов! Я не хочу раствориться в забвении. Не хочу коснеть в безмолвии и по-

кое. Не могу смириться с тем, что бесследно кану – навек обручившись с Матушкой сырой землёй – вместе с лошадьми, золотом, вином и оружием, сложенным мне в приданое. Если я упокоюсь здесь, на равнине, где в мире и достатке проживает моё большое племя, мне возведут курган. Мои дети и внуки будут почитать его как мою обитель, а те, кто последуют за ними, будут знать его как королевскую гробницу. Два или три поколения моих сыновей во время «сборища Луга»⁷ будут, возможно, оглашать здесь свои решения. Затем о моей могиле станут слагать предания, а с годами она превратится в осевший бугор: пахари сравнивают его с землёй, и в этом краю он будет предан забвению. Рядом с «Аварским бродом»⁸ я видел множество старых, изъеденных мхом валунов. Они стоят и поныне, но более ничего о них не известно – точно так станется и с моей могилой. Разумеется, вместе с мёртвыми я буду возвращаться во время трёх ночей Самониоса⁹. Но столько духов мелькает на празднествах среди гостей, о коих мне не ведомо ничего, и даже о тех, кто явился на мои пиршества – знаю лишь, что они печальны, ведь никто их больше не узнает. Я не хочу пополнить ряды этих

---

⁷ Праздник «сборище Луга» отмечался 1 августа и знаменовал собой начало уборочных работ. *Луг* – кельтский бог, покровитель земледелия, скотоводства и многих ремёсел.

⁸ В настоящее время является современным городом Бурж.

⁹ Кельтский праздник мёртвых. Считалось, что на Самониос открываются врата в другой мир, стирается тонкая грань между материальным миром и миром духов.

безымянных теней, чьи подвиги, победы, страдания и дела сердечные теперь ничего не значат.

Мне не надо могилы. Не надо мирной кончины среди моего народа. Не надо ни пышных королевских церемоний, ни жертвоприношений, ни жарких костров, ни поминальных пиров. Не надо сокровищ, оставленных во тьме погребальной комнаты. Я пойду искать смерть на поле битвы. Я выступлю вперёд из рядов моих воинов, чтобы бросить ей вызов. С длинным мечом всадника в правой руке и коротким клинком пехотинца в левой я приглашу её на танец мечей. Она – мой давний враг, но иногда случалось ей быть и моей союзницей. Я прекрасно знаю, на какие уловки, низость и предательство она способна. Я отплачу ей тем же подлым коварством и, дразня и потешаясь над её могуществом, сойду с ней лицом к лицу в разукрашенной маске воина. Предвкушаю, как от оглушительного хора карниксов¹⁰ и рожков у неё затрясутся все кости. Затем я брошусь в её объятия, в самую гущу войска противника. Я желаю, чтобы мою погибель увенчали блистательные лучи славы и неистовая ярость, по силе сравнимые с бурей, коей и была моя жизнь. Я хочу испить чашу наслаждения до дна, до разящих ударов этрусских копий и секир. И пусть моё обезображенное тело останется лежать на поле боя и гнить под солнцем и дождём. Пусть его

---

¹⁰ *Карникс* – духовой инструмент для воодушевления воинов и устрашения противника. Он представлял собой вертикальную бронзовую трубу, возвышавшуюся над головами воинов, на её верхней части помещалось, как правило, изображение кабаньей головы.

растерзают стервятники и расклюют вороны. Мёртвым они понесут меня туда, где я никогда не был живым. На небо.

Смерть, которую я себе уготовил, – не королевская. Она геройская. Не сочти меня одним из тех наивных варваров, коих вы, чужеземные ионийцы, так беспечно презираете. Я не позволю ни тщеславию, ни эпическим песням поэтов ослепить себя. Я беспристрастен. Смерть, которую я добровольно призываю, – ужасный конец. Я принял достаточно ударов, я повидал достаточно ран, я слышал достаточно предсмертных воплей, чтобы прочувствовать на себе всю невыносимую жестокость расправы. Эта кончина – объятия ужаса. Эта гибель врежется в память, как железо вонзается в плоть. Это и станет венцом моей славы – отдав себя на растерзание на глазах друзей и врагов, я останусь геройским шрамом в преданиях обоих народов.

Ибо вечен только дух, и только слово наполнено жизнью. Я знаю, что в ваших краях и у ваших соперников тирренийцев используют письмена, дабы сохранить слова в камне, глине или металле. Я видел понятные лишь мудрецам надписи на вазах и урнах, гласившие: «Я принадлежу такому-то человеку». Я опасаясь этих слов. Они мертвы так же, как мертвы тела, лежащие под курганами из камней и травы на тирренийских некрополях. Эти знаки имеют не больше смысла, чем следы дичи на рыхлой почве. Они свидетельствуют лишь о том, что здесь был тот, кого больше нет. А чтобы идти по следам этих букв и пытаться истолковать из-

речения, нужно постичь сложную науку. Но и это следопытство не поможет узнать о войне ничего, кроме имени, что отлито в бронзе – за славой воина не угнаться, она сама даст о себе знать. Только живое слово способно помочь ему вернуться, чтобы поведать о себе каждому – рабу и владыке, мудрецу и невежде. Лишь живое слово дарует бессмертие.

Через три полнолуния, через три зимы от меня останутся лишь голые кости, разбросанные среди сорной травы. Но не всё ли равно? Моё имя, подвиги и злодеяния будут у каждого на устах. Я буду здесь, живее, чем раньше: многоликий, противоречивый, простой, перерождённый. Очистившийся. Я буду всегда. Даже если забудут моё лицо, даже если мои подвиги перепутают с чужими, даже если моё имя утратит точность и станет звучать иначе, следуя капризному узору других языков. Я буду ипостасью владыки и героя до тех пор, пока моя маска воина не займёт, быть может, своё место в сонме священных идолов.

Именно поэтому, мой друг, ты поведаешь обо мне.

Глава I

ОСТРОВ СТАРУХ

С чего начать рассказ о своей жизни?

Обычные люди ведут сказ о своей жизни с момента появления на свет. Они называют своё имя, имена родителей, место рождения, по крайней мере, когда им всё это известно. В противном случае – придумывают вымышленные, порой даже без малейшего лживого умысла. По правде говоря, есть ли в этом какой-нибудь смысл?

У воинов на поле битвы принято иначе. Они возглашают имя отца, имя отца его отца и самых далёких предков, чей род продолжают. Они перечисляют также всех поверженных ими насмерть врагов. Таким образом отождествляя себя с теми, кто дал им жизнь, и с теми, у кого они её отняли. Такой подход мне нравится, я часто сам следовал ему, ибо не только воины бьются друг с другом в гуще сражения, но также живущие в их памяти предки, целые сонмы призраков.

У бардов другой обычай. Они слагают песни о перевоплощениях, о смертях и возрождениях, о множественных перерождениях героя. Иногда их истории уходят в глубь веков – на тысячи зим – и повествуют о том, что мужчина, женщина

или андрогин¹¹ уже существовали в тусклом глянце перьев вороны, в чешуе лосося, в рогах оленя. Ребёнком я обожал хитросплетения этих чудесных сказаний, ибо бесконечные перевоплощения забавляли меня. Они же одурманивали мне разум, из-за них мне казалось, что целый мир является частью меня самого. Позднее я постиг в них мудрость: у человека, которого лишают жизни, и у животного, которого забивают, – одинаковый взгляд.

С чего начать мою историю?

Обычным человеком я бы себя не назвал. Моё рождение не было моим первым рождением. К слову, я не помню день, когда появился на свет, да и не в этом суть. Стоит ли называть имя моего отца и имена отцов моих жертв? Я мог бы запросто их перечислить, размахивая перед тобой оружием, закатывая глаза и корча страшные гримасы. Но ты мне не враг, и, бросив вызов гостю в своём жилище, я нарушил бы священные законы гостеприимства. Стало быть, этот способ не годится. Что же касается жизней, которые предшествовали моей, то я порой невольно вспоминаю о них под цокот копыт, накидывая плащ на плечо, примеряя к ладони рукоятку меча или женскую грудь. Они мне снятся иногда, когда я парю над лесами, реками, лугами, но видения эти столь мутны, что не поддаются толкованию. Я не настолько силен в поэ-

---

¹¹ В мифологии андрогини – мифические существа-предки, перволюди, соединяющие в себе мужские и женские признаки. За то, что они пытались напасть на богов (возгордились своей силой и красотой), боги разделили их надвое и рассели по миру. И с тех пор люди ищут свою половину.

зии, чтобы описать словами дух, живший задолго до меня.

И если не могу я начать рассказ как обычный человек, ни как воин, ни как поэт, я должен создать свой собственный способ повествования, и мой рассказ станет моим не только по смыслу, но и по форме. Пусть боги укажут мне верный путь, подобно тому, как они и прежде вели меня по жизни. Без их покровительства мне не обойтись, ибо на самом деле моя история начинается там, где заканчивается всё и вся.

Моя история началась за пределами мира. Там, где рушилась земля, раздробленная небесными жерновами; где мощные стены скал, избородённые, расслоившиеся, потрескавшиеся вдоль и поперёк, обрывались в пропасть, где ревел океан, омывавший острова мёртвых. Беснующееся море грохотало и вздымалось по воле ветров, дувших из Преисподней. Сырой воздух, наполненный солью и брызгами, источал вкус золота. И тут я, в сущности, и появился из мрака, чтобы здесь возродиться к жизни. В то время я был ещё молод: носил длинные волосы, лицо моё было гладким, а гибкое тело обладало мощью стройного бука. И всё же я считал себя уже стариком. Я был напыщенным и безрассудным, как молодой петух: ведь я успел обойти мир, побывать в сражениях, познать ожоги мечей и уже возомнил себя героем. На самом же деле я был невероятно глуп. Ну и пусть! В моём тщеславии коренилась доля истины: у меня было богатое прошлое и меня ожидало славное будущее. Но покуда я шатко стоял на краю света, пучина увещевала меня, что я был всего лишь

хризалидой¹², что истинного величия мне ещё предстояло достичь.

И вот я плыл в небытие. Я забрался на судно озисмского¹³ купца, на один из тех громадных кораблей, что плывут сквозь ураганы, поднимающиеся за горизонтом. Ветер завывал в цепях оснастки, бил в кожаные паруса, словно в глухие барабаны. Я вижу в твоих глазах недоумение, и я прекрасно тебя понимаю, ведь ты не путешествовал так далеко, как я. Ты представляешь себе корабли такими, какие есть у твоего народа: в устье Ласидона¹⁴ я видел ваши длинные пентеконторы¹⁵. Иначе как большими лодками их не назовёшь. Ваши льняные паруса и тросы были созданы для плавания по ласковому и спокойному морю, которое лишь изредка пугает своими капризами. Озисмские же суда были построены для того, чтобы плыть через водовороты, чтобы выдерживать мощные раскаты волн, вздымающихся ввысь, когда небо обрушивается в океан. Эти пузатые корабли, нос и корма которых высоко подняты над морским валом, скорее походят на плавающие крепости, а не на изящные челноки, на коих вы плаваете по голубым водам.

Лютая стужа пронизывала весь океан. Волны, будто мо-

---

¹² *Хризалида* (chrysos) – золотистого цвета куколка, из которой выходит бабочка.

¹³ *Озисмы* – кельтское племя на юге полуострова Бретань (северо-запад Франции).

¹⁴ *Ласидон* – совр. название реки Рона.

¹⁵ *Пентеконтор* – древнегреческая открытая галера, длиной около 30 метров.

лотом, колотили в дубовый корпус корабля, шквальный ветер раздувал кожаные паруса, словно щёки запыхавшегося чудища, насвистывая в вант-путенсы свои призрачные песни. Буря беспрестанно хлестала нас плетью мелких брызг, которые вонзались в тела острыми иглами. Такая же холодная была и обстановка на судне. Капитан Науо злился на нас, а его матросы боялись. Наша цель их пугала, она заставила их изменить курс, и в этом походе разжиться им было нечем, разве что толикой славы да величайшей опасностью. И лишь по принуждению Гудомароса, короля Ворганона, Науо взял нас на борт. Но теперь мы были уже далеко от суши, далеко от озисмских берегов, наше судно штормило на вековой водной зыби, и рука монарха была бессильна за пределами нашего мира. Науо – купец, и ты, как никто другой, знаешь, что в открытом море купец всегда превращается в пирата. Будь я один, мне стоило бы опасаться, что меня ограбят и выбросят за борт. По счастью, я был не один. У меня в спутниках были Сумариос, сын Сумотоса, и Альбиос Победитель. Они берегли меня как зеницу ока, и я им слепо верил, впрочем, как оказалось, напрасно, но правда открылась много позже.

Безразличный к неистовству волн, у самого борта сидел Сумариос. Прижав пяткой к неотёсанной палубе оба своих копья, он сквозь мокрые пряди волос исподлобья взирал на судовую команду. По возрасту он годился мне в отцы, но долгие испытания, через которые мы вместе прошли, сделали

его ещё стройней и подтянутее, и, если бы не покрытые сединой виски, он сошёл бы за моего старшего брата. Года ничуть не убавили в нём силы. В один из дней прошлого лета я воочию видел, как он с тридцати шагов сразил наповал оскского воина одним единственным броском копья.

В отличие от него, Альбиос не проявлял интереса ни к кораблю, ни к морякам. Закутавшись в плащ, он созерцал яростную бурю, сквозь которую мы держали путь. Выглядел он потрёпанным и старым. Его поредевшие волосы, из которых он продолжал плести жидкую косу на щегольской манер, были белы как снег. Его худощавый стан казался хрупким, в действительности же он был вынослив, как бродяга. Сумариос и я были воителями, в Альбиосе же не было ничего от воина. Его единственным оружием служил нож с рукояткой из слоновой кости, который он вынимал, лишь чтобы отрезать себе кусок мяса на пиршествах. Насколько мне ведомо, Альбиос был неизвестного рода, и тем не менее, куда бы мы ни прибыли, ему оказывали больше почестей, чем нам с Сумариосом, имевшим знатное происхождение. Альбиос завоевал звание Победителя. В кожаном чехле он носил с собой шестиструнную лиру и считался самым известным бардом от Семены¹⁶ до Секваны¹⁷. Его память была необъятна, как королевство, и таила в себе предания многих народов: ему хватило бы нескольких наскоро сочинённых куплетов, чтобы

---

¹⁶ Древне-галльское название горного массива Севенны.

¹⁷ Древне-галльское название реки Сены.

возвысить или обесславить имя любого владыки. Говорили, что волшебное мастерство сделало его победителем в трёх десятках поэтических дуэлей.

Мне кажется, я знаю, почему Сумариос решил сопровождать меня в этом отчаянном походе: из-за преданности моему дяде и матери, и, возможно, из-за привязанности ко мне. Если его намерения мне казались ясны, то побуждения Альбиоса оставались для меня загадкой. В отличие от королей и вождей, которых он имел обыкновение навещать, я не мог одарить его золотом. К тому же у такого молодого и невежественного мальчишки, как я, этот мудрец вряд ли мог что-то почерпнуть. Тщеславие наталкивало меня на мысль, что этот чародей предугадал во мне великого героя, коим мне предстояло стать, и пошёл за мною вслед, дабы сплести воедино бессмертную славу воина и поэта. Временами, когда сомнения закрадывались мне в душу, я говорил себе, что его привлекла, главным образом, цель моего странствия. Возможность прикоснуться к острову Старух¹⁸ и его тайнам должна была горячить воображение учёного мужа куда сильнее, чем странствие в компании двух отважных грубиянов.

На корабле Науо мы помалкивали об острове Старух. Ни

---

¹⁸ По свидетельству античных авторов следует, что остров Сен (Ile de Sein, западнее мыса Ра), расположенный в море вблизи берегов озисмиев, славен оракулом галльского божества. Девять жриц, давших обет вечного девства, зовут «галлиценами» и полагают, что они одарены особым даром, заклинаят песнями моря и ветры, превращаются в любых животных и излечивают то, что другие излечить не могут; они знают будущее и предсказывают его, только если спросят.

к чему было подливать масла в огонь, к тому же, у нас было предостаточно времени, чтобы вдоволь наговориться о нём во время долгой дороги, проделанной нами от Аржантаты¹⁹. Всё, что нам удалось узнать, и, по правде говоря, это было не так много, мы уже обсудили. Поэтому, когда Альбиос заводил разговор, то обычно для того, чтобы просветить нас, невежд, с полуслова убеждая в том, что на рубежах мира он уже побывал. Подняв руку в сторону изрезанного края скал, от которых нас всё дальше уносила пенная борозда, он начал свою речь:

– Вот это мыс Кабайон²⁰. Самая далеко вдающаяся в море земля, известная жителям побережья. Кабайон отмечает границу между океаном людей и океаном богов.

Повернувшись направо, где бесчисленными legionами вздымались аспидного цвета морские волны, он добавил:

– Здесь простирается Эстримникское море²¹. Оно омывает наши побережья, а также побережья амбронов²². Их границы окаймляются Грозовыми горами²³, которые огибают корабли, плывущие из далёкого Тартесса²⁴.

---

¹⁹ Современное название Аржанта – коммуна во Франции в регионе Лимузен.

²⁰ Речь идёт либо о мысе Корсен, либо о мысе Ра.

²¹ Бискайский залив.

²² Амброны – кельтско-гельветское племя, проживавшее на юге Франции, в Испании, Италии. Слово *амбро* перешло в язык римлян в значении ругательства – «распутный человек».

²³ Речь идёт о Пиренеях.

²⁴ *Тартесс* – древний город, существовавший в южной Испании в I тыс. до н. э.

Затем он перевёл взгляд налево, где шквальный ливень обволакивал дождливыми вихрями архипелаг небольших островов и сумрачные рифы, и произнёс:

– С другой стороны находится море Иктис²⁵. Когда мы сойдём с корабля, Науо и его команда пересекут это море по направлению к мысу Белерион²⁶, чтобы встать на якорь у Белой земли²⁷. Там они обменяют свой груз на оловянные слитки. Если бы я не сопровождал тебя, Белловез, я без сомнения вернулся бы на эти священные земли. Много секретов покоится там под кругами из голубых камней.

Подбородком Сумариос очертил неизведанное направление, по которому держало курс судно Науо.

– А там, бард, что такое?

Старый поэт утёр лицо, исхлёстанное брызгами. Его щёки покраснели от холода, а с носа стекала капля.

– Там...

Его слова повисли в воздухе, а на лице появилась натянутая улыбка при виде смерчей, появившихся далеко на горизонте.

Пятью ночами ранее, во время остановки в Ворганоне, мы смогли, не таясь, поговорить об острове Старух. Этот город расположен почти в центре озисмского королевства, далеко от побережья, что позволило нам обсудить цель поездки с

---

²⁵ Море Ируаз.

²⁶ Совр. название мыса на юго-западе Великобритании – Лэндс-Энд.

²⁷ Британские острова (Альбион, происходит от латинского слова «белый»).

меньшей скрытностью.

Наша дорога до Ворганона пролегла мимо гор и высоких кряжей. Приметив холм, привлечший нас обманчивой пологостью склонов, мы устроили привал, чтобы кони смогли вдоволь отдохнуть. С его вершины, покрытой вересковым ковром, сквозь который повсюду проглядывали рассыпающиеся камни, нашему взору открылся озисмский город. Укрепившись за стенами из земли, дерева и камня, он занимал высоту, позволявшую держать под надзором широкое плоскогорье, на котором чередовались луга и возделанные пашни. Утопавшие в зелени соломенные крыши Ворганона придавали ему вид маленького мирного городка, но блестящая лента речки, которая извивалась у подножья плоскогорья, превращала этот город в неприступную крепость. Плотные клубы дыма поднимались над городским кварталом, где ковали металл. Стада коров паслись на спускающихся к реке пастбищах. Альбиос, единственный среди нас, кто знал местность, заверил, что это королевская земля, и, судя по положению и богатству города, мы не могли с ним не согласиться.

Высота искажала восприятие расстояния, и нам понадобилось некоторое время, чтобы добраться до окрестностей города. Мы дошли до него только к вечеру. Из осторожности и учтивости мы двигались вперёд, выставляя правый бок на обзор. Таким образом мы весьма наглядно давали понять, что пришли с миром. Наши лошади, оружие и торк-

весы²⁸ указывали на статус важных путешественников, что, как правило, обеспечивало нам радушный приём. Всё же наибольшего расположения мы удостоились именно благодаря лире Альбиоса и его короткому плащу с капюшоном. Озисмы с первого взгляда признали барда и приветствовали его с особой почтительностью.

Наших верховых лошадей отогнали в загон, где резвился королевский табун, а затем нас проводили во дворец к королю. Сумерки сгустились над глинобитными фасадами, посыпав небо редкими звёздами и созвав пастухов и пахарей за стены города. По дороге горожанки, ремесленники и волопасы то и дело окликали нас. Озисмы говорили на том же языке, что и мы, но мне было трудно понять их говор и некоторые местные выражения. Альбиос же без труда их понимал и отвечал им шутками и прибаутками. По обыкновению, нас спрашивали, откуда мы прибыли и какие новости с собой привезли. Если бы не хорошо вооружённые амбакты²⁹, которые сопровождали нас от ворот города, любопытные останавливали бы нас на каждом шагу.

Дворец представлял собой длинное сооружение, вход которого был обращён на площадь, мощённую булыжником,

---

²⁸ *Торквес* (торк) – кельтская разновидность шейной гривны, чрезвычайно популярное украшение из бронзы, золота, драгоценных металлов. Большая часть их была открытой спереди, но несмотря на это многие из них были сделаны практически для постоянного ношения.

²⁹ *Амбакт* – вассал, дружинник, верноподданный вождя, сопровождавший его на войну, где не смел покидать его ни по какой причине.

достаточно вместительную для конных построений и боевых колесниц. Оно было самым высоким в Ворганоне. Выше него был лишь огромный частокол с красовавшимися на нём оружейными трофеями, который огораживал священное пространство неметона³⁰. Озисмские воины пригласили нас войти в королевские покои. Главный вход напоминал врата самого города и позволял въезжать во дворец на лошади. Над ним висело с десяток человеческих черепов, пригвождённых к наличнику. Таким образом, хозяин показывал, что принадлежал к воинскому роду и что всякому, кто предстанет перед ним с дурными помыслами, – несдобровать.

Королевское жилище состояло всего из одной залы, большой и просторной, словно роща в ночи. Скрывшийся день более не пробивался лучами в дымницу, и освещение теперь исходило только от двух костров на полу, на которых жарились свиные туши. При свете огня ряды столбов плясали, будто тени деревьев в буковой роще, а остов сооружения словно и вовсе растворялся в этом лесном мраке. Многочисленных домочадцев короля сложно было разглядеть, они скорее угадывались по смутным очертаниям теней, которые изредка облизывали золотистые блики языков пламени.

Нас проводили до деревянной скамьи, стоявшей вдоль стены и покрытой шкурами и мягкими пледами. Хоть мы и сидели в тени свода, отдельно от круга, в котором в скором

---

³⁰ *Неметон* – священное место (обычно роща, родник), где кельтские волхвы, жрецы-друиды поклонялись богам.

времени должны были расположиться король и его приближённые, выделенное место всё же находилось не возле двери, среди бродяг и просящих милостыню. Нам предстояло делить яства с воинами, пастухами и служителями искусства, что являло собой весьма почтенный приём для гостей, которых ещё не представили.

Я догадался о приближении правителя по внезапно ворвавшейся толпе. Там было несколько героев, щитоносцев, копейщиков и совет мудрецов, которых охраняла стая больших собак. В сумерках среди этой сумятицы различить монарха было не так-то просто. Все они расположились вокруг главного очага. Трапеза была обыденной, поскольку вместе с мужчинами на ней присутствовали и женщины, в том числе и почтенного возраста. И только в последний момент я распознал Гудомароса: в сопровождении своего жреца он плеснул на пол немного эля и бросил кусок мяса, принося его в дар богам Преисподней. После этого ритуала слуги и пажи начали разносить еду. Атмосфера была мирной, скорее даже дружественной. Никто не посмел ни возразить, ни потребовать себе «кусочек героя». Он был отдан старейшему воину, на вид уже не столь внушительному, и никто это не оспаривал. Нам же Альбиос дал понять, что заявлять о себе было ещё не время.

Мы поели спокойно, вволю, запивая наполненными до самых краёв кружками эля. Сидевшие рядом гости весело беседовали между собой, изредка бросая на нас любопытные

взгляды, но, в отличие от простого народа, из вежливости воздерживались от расспросов, пока мы не наелись досыта. Из королевского круга доносились обрывки бесед попеременно с музыкой. Приставленный к королю бард оказался молодым юношей неприглядной наружности, который всё же не был обделён обаянием. Мне, невеже, его голос показался более проникновенным, чем голос Альбиоса, однако мой спутник слушал своего соперника с насмешливой улыбкой, уверенный в своём превосходстве.

Когда животы наши были плотно набиты, к нам подошёл один юнец. Этот щёголь с обесцвеченными и заплетёнными в косу волосами, одетый в хитон из яркого тартана³¹, несомненно, был отпрыском знатной семьи, отданным в пажи к Гудомаросу. Трижды осведомлялся он о том, отдохнули ли мы с дороги, утолили ли мы голод и жажду и не желаем ли ещё чего-нибудь. И только когда он убедился, что нам всего было вдоволь, сообщил, что королю угодно нас видеть.

Едва поднявшись на ноги, мы почувствовали, что все взоры в зале были обращены на нас. В королевском кругу люди потеснились, освобождая нам место по другую сторону кистра, напротив властителя Ворганона. Гудомарос показался мне старым, но это скорее оттого, что сам я был ещё лишь желторотым птенцом, мало что видевшим на своём веку. На

---

³¹ *Тартан* – орнамент, образованный саржевым переплетением нитей, заранее окрашенных в разные цвета, в результате чего образуется клетчатый узор, состоящий из горизонтальных и вертикальных полос, а также прямоугольных областей, заполненных диагональными полосками.

самом же деле это был человек во цвете лет, ещё крепкий, с напускным спокойствием, присущим умудрённым опытом воинам. Унизанные украшениями руки и шея пестрели синими татуировками, которые свидетельствовали о его связи со знатными семьями Белой земли. Он сидел, скрестив ноги и уперев руки в бёдра, и молча рассматривал нас. Слово молвил один из его сотоварищей, старейшина с выстриженным лбом и густой косматой бородой:

– Здрав будь, Альбиос Победитель, – провозгласил он звучным голосом. – Ты услаждаешь богов, короля и всех героев в этой зале своим приходом и приходом твоих товарищей!

– Здрав будь, Синтусамос, Лучезарный свет мудрости, – ответил бард. – Щедрое гостеприимство, которое оказывает нам государь озисмов, делает честь и мне и моим товарищам.

– Король наслышан о тебе, – продолжал советник Гудомароса, – но кто твои статные товарищи, он не ведает. Вполне ль они довольны яствами, чтобы позволить нам узнать их имена и родословную?

– Они более чем довольны: своим приёмом король озисмов явил нам своё уважение и великодушие. Отныне они смогут этим хвастаться на пиршествах и на полях сражений. И назовут себя с большой признательностью. Но прежде всего я хотел бы выразить благодарность монарху от своего имени. Медлить с ней даже на миг было бы уклонением от моего долга. Итак, пою для короля!

Перенося своё внимание на владыку Ворганона, Альбиос выпрямился, широко расправив грудь, чтобы его голос был слышен во всей зале. И стал отбивать такт с гордым, как у глашатая, видом:

Гудомарос, он воин ярый,
С малых лет – бои да раны.
С груди материнской упоён он славой:
Лихо рубит он врага в сотне схваток бравых.

Он воин страшный и отважный,
Но и счастливец, скажет каждый.
И все твердят, что он блаженный,
Настолько он душою щедрый.

Потчует гостей король озисмский несравненно,
И кушанья сии богаты да отменны.
Шумны и людны те пиры, кои полны веселья,
И льётся эль рекой хмельной, что из рога изобилья.

Куплеты Альбиоса собравшиеся одобрили: стали стучать кулаками по ногам, что-то восторженно выкрикивали, весело шутили и издавали воинственные возгласы. Я увидел, как заблестели серые глаза Гудомароса, и он молвил в ответ:

– Ловкий же ты рифмоплёт, Победитель, – улыбнулся он, обнажая белые зубы. – Отродясь такого не слыхивал, а ведь

льстецов у меня хоть отбавляй. Элуиссо, знакомо ли тебе это?

Молодой музыкант чопорно поджал губы:

– Я знаю четыре раза по двадцать сказаний и песен, которые под них сложены, но эту песнь не знаю.

– А ты, Синтусамос, уже слышал нечто подобное? – продолжал король.

– Я знаю три раза по пятьдесят сказаний, – ответил старик, – и ещё половину от пятидесяти, и все песни, которые под них сложены. Но, сдаётся мне, что эти строфы Альбиос сочинил для тебя.

– А гармония в ней есть? – спросил король.

– Она соблюдена, – снизошёл юный бард.

– По мне, так она безупречна, – добавил следом старый мудрец.

Гудомарос глубоко вдохнул. Он распростёр руки над костром, и блеск пламени осветил грубую кожу его ладоней.

– Я желаю, чтобы каждый знал эти строки, – провозгласил он. – Элуиссо, Синтусамос, запоминайте их. Вы будете отныне петь их на моих пиршествах!

И, взглядываясь в глаза Альбиоса, король промолвил:

– Я угостил тебя лишь кружкой эля да куском мяса и дал погреться у костра, а ты взамен посвятил мне песню. Это несоизмеримо много. Теперь я твой должник, Победитель. В знак благодарности я должен преподнести тебе гораздо более роскошный подарок. Что тебе угодно? Стадо коров? Одеж-

ний из льняного полотна или мягкой шерсти? Рабов?

Мой спутник улыбнулся властителю Ворганона своей самой изящной улыбкой.

– Я уразумел тебя, король Ворганона, и с открытым сердцем принимаю твой дар. Ты подтверждаешь тем самым, что моё слово правдиво. Но позволь мне ненадолго помедлить с ответом: мне нужно подумать о том, что я предпочёл бы получить.

– Подумай хорошенько! Я дарю тебе всё, что ни пожелаешь!

– Я дам тебе ответ до того, как в ночном небе забрезжит заря. А пока пришло время удовлетворить твоё любопытство. Я представлю тебе своих товарищей.

Король одобрительно кивнул, и Альбиос принялся представлять Сумариоса:

– Это Сумариос, сын Сумотоса, правитель Нериомагоса, чьи земли граничат с арвернским королевством. Он один из самых преданных и великих воинов Верховного короля Амбигата, участник войны Кабанов. Ныне он держит путь с поля сражений с окаянными амбронами, проходивших перед «Сборищем Луга» на землях Дорнонии³².

Сумариос и озисмский король обменялись беззвучным приветствием, как воин с воином. Мой товарищ, несмотря на свой знатный род, не соответствовал рангу Гудомароса, однако монарх признал в нём доблестного человека. Затем

---

³² Современное название местности – Дордония.

Альбиос повернулся ко мне:

– Пусть от роду ему ещё так мало зим, – произнёс он, указывая на меня, – он, равно как и мы, сражался с амбронами. А теперь послушайте меня все: этот гость высокого происхождения, ибо перед вами Белловез, сын Сакровеза, племянник Верховного короля Амбигата!

Восторженный шёпот пополз по зале среди самых молодых воинов, купцов и служителей искусства. Среди собравшихся моё родство с Амбигатом впечатлило лишь самых неискущённых людей, хотя в действительности озисмский народ не находился под властью Верховного короля. Несмотря на это, на лицах мудрецов читались глубокое удивление с явной примесью беспокойства. Гудомарос разглядывал меня пристально и слегка озадаченно, но не без интереса.

– Приветствую тебя, молодой герой, – произнёс он, взвешивая каждое слово. – До сей поры я ничего о тебе не слышал, но не сомневаюсь, что ты полон мужества. Я знал твоего отца в былые времена, и то был отважный воин. Я знал и твою мать, и я запомнил её гордой женщиной. Ну а твой дядя – кто не восхваляет его могущества?

Хоть был я ещё неотёсанным юнцом, но всё же сумел различить сдержанность, с коей государь высказал мне свою похвалу. Уже не в первый раз встречался я с людьми высокого положения, и даже с королями, становившимися кроткими в моём присутствии. Подобная стеснённость в разговоре со мной с ранних лет утвердила во мне мысль, что я был кем-

то особенным. Ко мне относились, словно к чистокровному жеребцу, но будто с изъязном: как к тому, кто мог неожиданно взбрыкнуть. Эти воспоминания были горше ещё и оттого, что я не запомнил тех двух людей, коим обязан таким предубеждением. Мой отец и дядя были лишь тенями, затерянными в каком-то устрашающем закоулке моего детства. Я вновь сглотнул знакомую горечь и поблагодарил властителя Ворганона.

– Здрав будь, король озисмов. Благодарствую за честь, которую ты нам оказываешь.

Мои слова звучали немного натянуто, но Гудомарос удовольствовался этой незначительной любезностью: юные годы могли оправдать неловкость моего языка. Поворачиваясь к Альбиосу, король озисмов осведомился:

– Поведай нам, бард! Что привело тебя на мои земли в сопровождении столь знатных товарищей?

– На одного из нас пал запрет. Он должен пройти испытание, которое освободит его.

– Испытание? Ну и ну! Если могу чем-то помочь, то только скажите!

– Весьма великодушно с твоей стороны, – улыбнулся Альбиос.

– На кого именно пал запрет? – спросил Гудомарос.

– На меня! – злобно выпалил я, потому как не потерпел бы, если бы кто-то сказал это за меня.

От этого резкого выкрика государь озисмов слегка опе-

шил, но вскоре искра прозрения озарила его морщинистое лицо.

– Не сердчай на меня за вопрос, Белловез, сын Сакровеза, – сказал он размеренным тоном, свидетельствующим о его мудрости. – Я сказал, не подумав. Самый знатный из трёх моих гостей – ты, и, разумеется, касаться это должно тебя.

Он продолжал говорить двусмысленно, но я был польщён почтением, которое он мне оказывал, и немного остыл.

– Не сочтёшь ли ты за дерзость, ежели я спрошу, почему пал на тебя этот запрет? – продолжал король.

– В чём причина? – пробурчал я. – В том, что я всё равно не умер.

Моё ворчание было воспринято по-разному. То ли удивление, то ли недоумение нарисовало забавные гримасы на самых грубых лицах. И тогда я заметил, как в глазах Синтусамоса и юного музыканта вновь промелькнуло беспокойство. Похоже, что они усматривали в этом некую истину, которая была мне ещё пока непостижима. Лицо Гудомароса не дрогнуло, возможно оттого, что он ожидал от меня большей ясности. Моё сердитое брюзжание могло легко сойти за дерзость. Сумариос решил, что пора ему вмешаться.

– Он говорит правду, – бросил он. – Его убили, но он отказался умирать. Я знаю это: я это видел.

И пока изумление расплзлось по всей зале, Альбиос счёл более осмотрительным взять на себя дальнейший ход дискуссии.

– Увы, сам я там не был, но многие великие воины могут подтвердить слова Сумариоса. Это случилось во время битвы с амбронами. Все славные герои – Буос, Комаргос, принц Амбимагетос, сын Амбигата, а также Тигерномагль, сына Кономагля, короля лемовисов – видели, как Белловез был сражён насмерть, и тем не менее вы можете воочию убедиться, что вопреки всему Белловез сидит среди нас в добром здравии.

Бард выдержал паузу, дав время ошеломлённым умам воспринять это чудо. Моё присутствие в тот момент заставило всех содрогнуться, будто бы вместо меня в королевские покои по неосторожности впустили лемура³³. Я хотел было прокричать им, что я всё-таки был жив, что под шрамами в моей груди яростно билось сердце, но было разумнее предоставить это барду.

– Вам нечего бояться, – расхохотался он перед огорошенными физиономиями. – Я бы не стал путешествовать целую луну³⁴ в обществе призрака. Я иду с ним от лемовисов³⁵ из самой Аржантаты, поверьте мне, я пристально за ним наблюдал, и могу поклясться, что он ест, пьёт и справляет нужду,

---

³³ В переводе с древнегреческого слово «лемур» означает призрак (дух).

³⁴ Кельты измеряли время по циклам Луны. Месяц соответствует полной фазе Луны, среднее значение которой – 29,53 дня. Пол-луны соответствует половине месяца.

³⁵ *Лемовисы* – центрально-европейское племя галлов, проживавшее на территории нынешней Франции в провинциях Лимузен и Пуату в 700 – 400-х годах до н. э.

как любой из нас.

Над этой шуткой посмеялись лишь глупцы, большинство же лиц остались строгими.

– Знавал я этаких удальцов, перехитривших саму Смерть, – заметил Гудомарос, – но эта проделка довольно редка и столь же достойна восхищения, сколь и опаски. Нельзя перехитрить силы Преисподней и выйти сухим из воды.

– Да, здесь непременно замешан какой-то бог, – подтвердил Синтусамос, бросив на меня осторожный взгляд. – Добрым ли концом коснулась юношу палица, или же он спасся, нырнув в котёл Великого Цернунна?! Без провидения здесь явно не обошлось, да только как понять, к добру это или к худу.

– Поэтому Великий друид Комрунос провозгласил Белловеза священным, – продолжал Альбиос. – И запретил ему являться ко двору Верховного короля, покуда он не развеет этой тайны.

– Так в чём же заключается суть испытания, которое ты должен преодолеть? – спросил меня король озисмов.

– Я должен попасть на остров Старух.

Гудомарос кивнул.

– Да, это мудрое решение, – согласился он. – Галлиценам нет равных в разгадках: они, несомненно, смогут пролить свет на тайну, в которую ты оказался вовлечён. Я повелю сопроводить вас до мыса Кабайон, где ты дождёшься, пока не покажется одна из них. У неё ты и сможешь всё выведать.

– Ты меня не так понял, – поправил я его. – Мне не нужно ждать, пока появится одна из галлицен. Я сам должен поплыть на их остров.

Король высокомерно ухмыльнулся.

– Это ты, небось, меня не расслышал, – возразил он. – Нельзя плыть на остров Старух, это запрещено, да к тому же, это за пределами нашего мира. Надо подождать, пока одна из них приплывёт или прилетит на берег.

– Это сушая правда, – вступился за меня Сумариос. – Великий друид повелел так: «Белловез должен посовещаться с галлиценами на их острове».

Несмотря на стойкую убеждённость моего спутника, Гудомарос, казалось, не придавал большого значения услышанному. Король озисмов бросил на Альбиоса беглый взгляд, полный сомнений.

– Белловез и Сумариос не ошиблись, – подтвердил бард. – Именно мне Великий друид поручил передать это послание, и я слышал своими ушами, как он произнёс запрет. Я – хранитель преданий, как же мог я исказить повеление Ко-мруноса?

Лицо короля омрачилось. Он обменялся взглядом с Синтусамосом, задумался на мгновение и вновь заговорил:

– Раз Альбиос слышал, как был произнесён запрет, тогда я, пожалуй, поверю, – уступил он. – Я не властен обсуждать решения Великого друида и не буду вам препятствовать. Однако в моём доме долг хозяина повелевает мне оберегать го-

стей, потому я скажу вам то, что должен. Не обессудьте. Я не участвовал в войне Кабанов, и, несмотря на то что я отдаю должное вашим подвигам в битве с амбронами, сам я с ними не вражду. Мои суда ведут с ними торговлю, далеко по правую сторону света, в бухте Эстримникского залива. Порой там случаются пиратские набеги, а порой хлебосольная торговля. Но вот что я хочу вам донести: я являюсь главой народа, живущего на краю света, вдали от распрей и посягательств глубинных королевств. И пусть моё суждение не основано на гадании по птицам³⁶ или предсказаниях по жертвенным кострам, оно всё же весомо, поскольку оно отстранённое и беспристрастное. Так вот, что я хочу вам сказать: нельзя плыть на остров Старух – это всё равно, что самому гнаться за смертью. Это равносильно тому, как если бы Великий друид решил вернуть всё на круги своя и отправить Белловеза в Подземный мир.

– Твои опасения похвальны, – тихо ответил Альбиос. – Но судя по тому, что мне рассказывали, озисмские корабли причаливали иной раз к острову Старух.

– Это не совсем так, – возразил король. – Если туда и плывут суда, то встают на якорь у небольшого островка, соединяющегося с островом Старух при отливе. Но корабли эти плывут на остров лишь по просьбе самих галлицен: когда нуж-

---

³⁶ Кельты гадали по полёту птиц и их пению, что было, возможно, попыткой расшифровать высшие знания, к которым птицы, как предполагалось, имеют доступ.

но привезти брусья для оправки неметона, избранных для службы в обители, скотину для жертвоприношений. Моряки оставляют свой груз на песчаном берегу и торопятся поднять паруса. Никому никогда не добраться до этих краёв без дозволения девяти бессмертных старух.

– На острове запрещено находиться людям, – добавил Синтусамос. – Галлицены не щадят никого, кто бы ни ступил на эту священную землю. Море в тех местах усеяно подводными скалами: немало кораблей налетало на эти рифы. Бессмертные старухи убивают даже потерпевших кораблекрушение моряков, выброшенных морем на их берега. Говорят, что их жертвенник забит костями этих несчастных.

Альбиос медленно кивнул головой.

– То, что вы говорите, сходится с тем, что я уже слышал из песен, – признался он. – Но остров запрещён лишь взрослым людям, а ведь ни родитель, ни знатный воин ещё не остригал волос Белловеза. Хоть оружием он уже владеет, но взрослых лет он ещё не достиг, а посему предписание к нему не относится.

– А как же ты? А твой товарищ Сумариос? – возразил король. – Если вы пойдёте с ним, бессмертные старухи раздерут вас на куски.

– В таком случае мы останемся на том островке перед священной землёй и подождём, пока Белловез пройдёт своё испытание.

Гудомарос сокрушенно потряс седеющей головой.

– Ваша храбрость и ваша преданность этому юноше делают вам большую честь. Но вы оба сошли с ума...

Совершенно неожиданно для всех юный бард Элуиссо молвил слово.

– Ты, Альбиос, своё уже пожил, – сказал он. – Быть может, ты и хочешь окончить свой блистательный век в лучах славы, ступая по запрещённой земле. Но ведома ли твоим спутникам опасность, коей они себя подвергают? Галлицены заметят вас издалека. Они владеют искусством перевоплощения: они принимают обличье птиц и порхают в небе вместе с чайками и моёвками; они облакаются покровом чешуи лосося или облачаются в шкуру тюленя и ныряют под килями судов. Они управляют силами природы: они могут поднять сильнейшие ураганы, способные потопить даже их остров и разметать целые флотилии по прибрежным скалам. А ежели они позволят вам причалить, то пощады от них не ждите. Доброжелательны они лишь тогда, когда выбираются в наш мир, дабы на благо страждущих применить свой дар прорицания или кровавого целительства, но за пределами нашего мира они свирепы. Они кровожадны даже среди своих.

– Элуиссо верно говорит, – мрачно пробормотал старый Синтусамос. – У них есть ежегодный обычай, по которому они раздирают на части ту, которая ослабнет первой.

– Невозможно себе даже представить, насколько они стары, – продолжал юный музыкант. – Ведь, несмотря на их силу и исцеляющую магию, их собственные тела носят на себе

отпечаток веков, хоть сами они и считают, что немощь зазорна. Каждый год они проводят ритуал, согласно которому снимают крышу со своего неметона, дабы выставить на солнечный свет адский алтарь. Ни одно бревно не должно коснуться земли: в течение целого дня они носят на себе балки и брусья из цельного дерева, тяжесть которых раздавила бы под собой любого здоровяка. Стоит только одной из них прогнуться, как остальные тут же кидаются на неё и рвут на куски зубами и ногтями, как кощунью. Так они привыкли истреблять слабых.

– Но ведь они не умирают, – глухо добавил Синтусамос. – Они всего лишь сбрасывают с себя плотскую оболочку. И их лёгкая душа летит в наш мир: воет в потоках шквального ветра и града, кружится вихрем в грозах, идущих на земные королевства. Они парят в бурях бледные, как сипухи. Ищут фермы, деревни или крепости. Обрушиваются на крыши домов, проскальзывают в жилища через дымницы, забираются на прогонные балки – те самые, что стоили им таких великих мук. И усевшись там, под сень кровли, следят за женщинами в доме. Они отбирают из них способных к деторождению девушек, лишившихся ума прорицательниц и старух, чей огонёк едва теплится. И тогда они оборачиваются дуновением ветра, мошкой или каплей воды и падают в яства или в рот своих жертв. Одним они забираются в утробу и зачинают тело дитяти, другим пожирают рассудок и присваивают себе их лик. Завершив своё дело, они возвращаются к нашему побе-

режью, и их сёстры-душегубицы переплывают океан, чтобы забрать их обратно в свою обитель.

– И так было всегда, со тьмы веков, – подытожил Элуиссо. – Говорят, что их остров усеян женскими скелетами, но их самих там только девять. Их всегда было девять.

Пока мудрецы говорили, Гудомаросу поднесли наполненный элем рог. Он поднял его в нашем направлении, когда его бард умолк.

– Я пью за успех твоего испытания, Белловез, сын Сакровеза, – произнёс он. – Да внимут боги потустороннего мира моему обращению к ним и да исполнят они его – это окажет тебе превеликую службу.

Отхлебнув пару глотков, он вручил сосуд виначерпию, который передал его мне. Как только я поднёс напиток к губам, король добавил:

– Ты слышал моих советчиков, юный принц. На своём острове галлицены перевоплощаются, топят корабли и убивают на жертвенном алтаре. Я прекрасно знаю, что в твоём возрасте мы полагаем, что перед нами расступятся все преграды, но поверь мне, эти девять старух растерзали уже очень многих, и гораздо более дюжих, чем ты, я и все brave воины, собравшиеся в этой зале. Постой! Выслушай меня до конца! Я уже сказал тебе, что не буду преграждать тебе путь, но мне было бы приятно оказаться тебе полезным. Умерь свою отвагу, но не из осторожности, а из почтения к тайне, которая окутывает бессмертных старух. Высадись на мысе

Кабайон, подожди хоть немного, пока не покажется одна из них. Может статься, она дозволит тебе поплыть на остров, и тогда ты выведаешь у них истину, не страшись разгневать их.

Я слегка замялся, ибо слова короля показались мне полными смысла и доброжелательности.

– Вот только как узнать, когда именно одна из них соблаговолит пересечь океан, – заметил Альбиос.

– С уверенностью сказать этого не может никто, – ответил Гудомарос.

– Однако год подходит к концу, – продолжал мой товарищ. – Осталось чуть более месяца до празднования трёх ночей Самониоса.

– В это время открываются курганы, и мёртвые возвращаются на землю, – сказал Синтусамос. – Сейчас самый удачный момент, чтобы выждать одну из галлицен.

– Несомненно, – согласился Альбиос. – Но за этими празднествами следуют новолетие и пора затишья. Разве суда не встанут на зимовку? Если даже мы и получим разрешение добраться до острова Старух, сможем ли мы найти корабль, который доставит нас туда до появления первой зелени?

– Нет, – ответил король. – Вам нужно будет дожидаться возвращения погожих дней.

– Долго, однако, выходит. Великий друид задастся вопросом: почему тратим мы столько времени на исполнение его воли? Это вызовет его недовольство и придётся не по нраву

Верховному королю.

– Твоя правда и слово твоё мудро, – признал Гудомарос.

– По мне, так нужно пойти навстречу опасности, уважая запреты Великого друида. Мы премного тебе благодарны, король озисмов, за твои советы и заботу, но с твоего благоволения мы отбудем на остров Старух, как только доберёмся до края Света.

– Я не откажусь от своих слов, Победитель, – заметил король. – Я не стану препятствовать вашему плаванию и снова предлагаю сопроводить вас до океана. Но...

Он потряс седеющей головой с чуть лукавым выражением лица.

– Но, когда вы проделаете нелегкий путь до края земли, вас будет ждать разочарование. Ни один корабельщик не согласится вас везти. Все они невероятно боятся гнева бессмертных старух.

– Ты в этом уверен? – возразил Альбиос, чьи глаза тоже хитро заискрились.

– Я в этом убеждён. Чем ближе вы будете подходить к их берегу, тем сильнее они будут бояться галлицен.

– А я готов поспорить, что найду корабль, – весело сказал Альбиос.

– Ты сильный чародей, Победитель, но ты переоцениваешь свои силы, если считаешь, что твоё пение одержит верх над чарами старух.

– О, с моей стороны это было бы безумием! – рассмеял-

ся мой товарищ. – Куда уж мне с ними тягаться! И посему я применю не свою власть, а твою, потому что теперь, Гудомарос озисмский, я решил, каким будет обещанный тобою подарок. За свою поэзию я хочу, чтобы ты принудил одного из твоих капитанов отвезти нас на остров Старух.

Вот так, после короткого путешествия на край земли, я оказался на судне Науо, сотрясаемом бурей. В то время как нас несло в неизведанном направлении, грозовые тучи окрасились странным цветом. Они бежали по небу, закручиваясь в свинцовые вихри, которые изредка пронизывал золотой луч, будто проблеск света, прорвавшийся из других эпох. Я ничего не мог разглядеть: нос корабля беспрестанно зачерпывал морскую пучину, которая яростно металась по кораблю, а мои длинные волосы, просоленные морским ветром, липкими прядями стегали меня по лицу. Мне казалось, будто чрево туч всё снижалось, раздуваясь бураном и клубящимися порывами ветра, которые, извиваясь мохнатыми гиврами³⁷, порой задевали мачту корабля. Можно было подумать, что небосвод оседал по мере того, как мы приближались к краю света, туда, где океан обрушивался в Преисподнюю.

Когда моряки закричали, что показалась земля, я всё ещё ничего не мог разглядеть. Ничего, кроме морской топи, посреди которой завывали болотно-зелёные волны с бронзовым отливом. Разве что длинные бурлящие гряды пены далеко впереди возвещали о внезапном воздвижении каких-ли-

---

³⁷ *Гивр* – мифический змееподобный дракон без крыльев и конечностей.

бо поглощённых морем земель. Подле меня, запрокинув голову, сидел Альбиос: он смотрел на птиц, и только тут я понял, что они целыми стаями кружились над водами, к которым мы двигались. Наблюдая за вальсом чаек и моёвок, я всё ждал неуместного появления какого-нибудь грозного ворона или ястреба, но меня оглушали гул ветра и океана и пронизывающий крик пернатых. В этой суматохе я не мог различить, кружила ли в небе крылатая угроза.

Несмотря на то что были мы ещё в открытом море, Науо велел спустить паруса. Он не хотел искушать судьбу и подходить к острову слишком близко, чтобы нас не вынесло на берег, где подстерегала угроза похуже кораблекрушения. Сумариос, который тоже окидывал взглядом горизонт в поисках земли, принялся бранить капитана. «Мы слишком далеко от берега, – кричал он, – нам негде высадиться». Пока эти двое спорили, я наконец мельком оглядел цель нашего странствия. Перед нами, едва виднеясь над рифами, простирались тёмные очертания прямо среди волн и подводных скал. До них, казалось, ещё далеко, не меньше половины лье, и они вовсе не были похожи на остров. Это была вытянутая и плоская земля, как перешеек или мол, она едва выступала над поверхностью океана. Временами, когда наше судно низвергалось к подножью волны, эта земля пропадала из виду. И только когда корабль вновь взгромождался на гребень волн, мне чудилось, что перед нами расстился целый архипелаг небольших островов, будто чёрные спины чудовищ

всплывали перед нами.

Спор между Науо и Сумариосом становился всё жарче. Капитан вознамерился высадить нас в коракль³⁸, который матросы как раз готовились сбросить на воду, однако Сумариос рассвирепел и открыто обвинил его в намерении пустить нас ко дну. Озисмские матросы вели себя всё более агрессивно. Они вооружились ножами, а некоторые – плотницкими топорами, оружием, не таким уж опасным для наших мечей и копий моего сотоварища. Однако перевес в численности был далеко не в нашу пользу. К тому же мы с Сумариосом не привыкли сражаться во время качки, а в груди моей ещё болела рана. Сумариос ревел уже во всё горло, повернувшись левым боком к капитану и его команде в стойке, преисполненной вызова. Он держал по копьё в каждой руке: то, что полегче – в правой, наконечником вниз. В один лишь миг он мог взмахнуть им и насквозь проткнуть одного из этих ухарей, ополчившихся против нас.

Положение спас Альбиос. Он встал меж моим товарищем и озисмами, и одно только его появление уже сбавило накал. Никто не желал ранить барда, который, как гласили предания, был способен помирить враждующие стороны даже на поле битвы.

– Угомонись, – крикнул старик Сумариосу. – Мореплаватели уже переправлялись через море Иктис на коракле. Науо не желает нашей гибели, он всего лишь боится за свой

---

³⁸ *Коракль* – рыбацья лодка, сплетённая из ивняка и обтянутая кожей.

корабль.

Затем, повернувшись к капитану, он добавил:

– Мы возьмём твою посудину, но с двумя оговорками. Прежде всего, я хочу, чтобы нас довели до берега твои лучшие моряки. Далее, по окончании торга с купцами Белой земли, я хочу, чтобы ты вернулся сюда, чтобы забрать нас и отвезти обратно на побережье.

Капитан буркнул, что король приказал ему лишь доплыть до острова Старух.

– Ты, как и я, знаешь, что Гудомарос принял нас под своё покровительство, – возразил Альбиос. – Это также означает, что ты должен отвезти нас обратно на землю. Однако страх может сбить тебя с толку, надоумить бросить нас здесь на произвол судьбы, если вдруг решишь, что галлицены займутся нами. А теперь заруби себе на носу: я знаю галлицен не понаслышке и знаю, как уберечься от них. Они меня не тронут. И если через девять ночей ты не вернёшься за нами, я настрою свою лиру и спою ветру сатиру на Науо. Понимаешь ли ты, что это означает? Три гнойных прыща выскочат у тебя на лице: стыд, порок и позор! Все станут сторониться тебя, и ты превратишься в изгоя. И если только никто не прикончит тебя, как паршивого пса, чтобы избавить от проклятия, мозг вытечет у тебя из ушей, а костный мозг закоченеет в хребте, язвы покроют твоё тело, и ты загниёшь и околеешь. Ты хорошо меня уразумел, Науо? Девять ночей и ни одной более!

Капитан, бледнея, отступил на пару шагов. Он вытаращил на Альбиоса глаза, словно собака, которая в страхе готова была вцепиться в него, и я на миг испугался, не станет ли угроза Победителя оружием, которое обернётся против нас самих. Я схватился за рукоятку меча, но поднимать руку на невооружённого барда – это кощунство, и побеждённый Науо потупил взгляд.

– Я вернусь так скоро, как смогу, – прошипел он.

– Я дал тебе девять ночей, – безжалостно настаивал Альбиос. – Ты и я отныне скреплены этими словами.

После чего старый музыкант положил свои длинные тонкие пальцы на плечо Сумариоса.

– Ну вот теперь можешь быть спокоен, – заверил он. – Мы с Науо отныне связаны. Мы спустимся в его челнок и доберёмся до берега.

Корабль был настолько лёгким, что на воду его сбросили всего два матроса. На воде под корпусом корабля он казался невероятно крошечным. Он вертелся в джиге³⁹ на водной зыби, круглый, как скорлупа, едва больше бочонка. В него прыгнул один из моряков. Мне показалось, что прыжком он пробьёт кожаную обшивку, но ялик⁴⁰ от удара лишь подскочил, словно обезумевший козлёнок. Команда сбросила матросу вёсла, и он приноровил одно из них к кораблю багром, чтобы смягчить удары волн. Теперь спускаться предстояло

---

³⁹ *Джига* – быстрый старинный танец, отождествляется с кельтской культурой.

⁴⁰ *Ялик* – двухвёсельная шлюпка, обычно служащая для переправы через реку.

нам.

Первым пошёл Сумариос. Он застал нас всех врасплох, спрыгнув с корабля с копьём в каждой руке и полетев вниз прямо на матроса, с ужасом на него глядевшего. Потоки брани посыпались ему во след, так как все боялись, что оружием можно было проткнуть челнок, но он благополучно приземлился в качавшийся на волнах коракль. Мы с Альбиосом спускались осторожнее, ухватившись за цепь; бард – чтобы уберечь чехол с лирой, я – из опасения, что от падения кубарем у меня перехватит дыхание... и кровь снова пойдёт горлом. Когда к нам присоединился второй матрос, хрупкий челнок оказался полон, как яйцо.

Под грузом пяти человек коракль стал более податливым, однако слишком глубоко просел в эту суровую пучину. Матросы принялись грести, и мы с отчаянной медлительностью начали отдаляться от чёрного брюха нависшего над нами корабля. У нашей шлюпки не было толком ни носа, ни кормы, и порой мы кружились в водовороте на одном месте, посреди разбушевавшейся стихии, обступившей нас водяными стенами. Когда мы наскакивали на верхушку рифа, нас отшвыривало прочь, будто камень из пращи, шлюпка вставала на дыбы и чуть не опрокидывалась. Корпус трещал по швам, и пенные волны захлёстывали за борт. Мы барахтались в этом корыте по голень в воде, думая, что тонем. Вместе с Сумариосом мы что было мочи вычерпывали воду посиневшими от холода руками. Моряки же вцепились в вёсла, налегая на

них всем своим весом, чтобы продвинуться к берегу, который пропал из виду. Альбиос выкрикивал ветру какую-то отрывистую песню, то ли, чтобы подбодрить гребцов, то ли, чтобы успокоить волны. Вокруг нас в илистом море изредка выныривали головы тюленей. Они недоумевающе глядели, как мы боролись со стихией, которая их только убаюкивала.

И тут островерхие волны превратились в свитки, пена стала брызгами разбиваться о камни, и, продолжая вращаться в пируэтах, мы увидели долгожданную насыпь из булыжника и гальки. Сумариос выпрыгнул из лодки, оказавшись по грудь в воде, и стал продвигаться вперёд, порой оскальзываясь под напором волны. Одной рукой он втыкал свои копыя наконечниками в илистое дно, другой держал коракль за борт, помогая направлять его. Когда вода доходила ему только до пояса, челнок стал чиркать днищем о камни. Мы с Альбиосом выбрались из шлюпки, и коракль, освободившись, снова пустился в пляс, на прощанье шибко лягнув меня по бедру, а затем умчался вдаль, унесённый отливом. Мы еле-еле доволочили до берега окоченевшие ноги. Обернувшись, мы увидели, как двое моряков мельтешили в немного забавном гавоте, неистово налегая на весла по направлению к громаде корабля.

– Пусть боги заставят Науо внять твоим словам, – прошипел барду Сумариос.

Тот два раза чихнул и жалобно высморкался.

– Коли он про нас забудет, так и издохнет, – подтрунивал

он, – ну а мы наплескаемся здесь до чёртиков.

Бард пытался шутить, но дрожащие от холода губы его не слушались.

Я стал озираться по сторонам, и грудь мою насквозь пронзили иглы страха, столь же колкие, как поцелуй зимы. Я уже начал опасаться, как бы тут того и гляди не возникли старые великанши или медведи с коварными рылами, а то и длинные гивры с чешуйчатой кожей ужа и козлиными рогами. Но то, что я там обнаружил, было в каком-то смысле ещё ужаснее.

Мы очутились посреди ненастного моря, там, где кружила голову безоглядная ширь, где гневно бушевали и пенились в унылом однообразии волны. Нас занесло на берег, который едва можно было назвать сушей – всего-то узкая полоска известнякового рифа, где с трудом разъехались бы три всадника. Вокруг гремел и грохотал океан, хлопал по воде длинными лапами брызг, хлестал в лицо ледяной изморосью. Ни одного сухого камешка не было на этой глыбе: вода, пузырясь, просачивалась сквозь гальку и урчала под ногами песнь камням. Порой порывами ветра открывалась завеса тумана, и дальше за проливом виднелись сумеречные очертания острова побольше, но он казался угрюмым, пустынным и враждебным, ибо над его берегом возносился неприветливый хриплый рёв морских львов и галдящая разногласица птиц.

– Да, это и есть остров Старух, – сказал мне Альбиос. –

На отливе ты сможешь дойти до него посуху.

Тем временем мы попытались согреться. Сумариос принялся собирать в воде древесные обломки и ворчливо буркнул мне тоже заняться делом. На полосе осушки мы обнаружили охапки водорослей, ветки, обмытые от коры и голые, словно кости, а также и куда более зловещие находки: части рангоутов⁴¹

---

⁴¹ *Рангоут* – общее название устройств для постановки парусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.